

ОТКРЫТКА С ТОСТОМ

Н. И.

Желание горькое — впрямь!
свернуть в вологодскую область,
где ты по колхозным дворам
шатаешься с правом на обыск.
Все чаще ночами, с утра
во мгле, под звездой над дорогой.
Вокруг старики, детвора,
глядящие с русской тревогой.

За хлебом юриста — земель
за тридевять пустишься: власти
и — в общем-то — честности хмель
сильней и устойчивей страсти.
То судишь, то просто живешь,
но ордер торчит из кармана.
Ведь самый длинный правож
короче любви и романа.

Из хлева в амбар, — за порог.
Все избы, как дырки пустые
под кружевом сельских дорог.
Шофер посвящен в понятия.
У замкнутой правды в плену,
не сводишь с бескрайности глаза,
лаская родную страну
покрышками нового ГАЗа.

Должно быть, при взгляде вперед,
заметно над Тверью, над Волгой:
другой вырастает народ
на службе у бедности долгой.
Скорей равнодушный к себе,
чем быстрый и ловкий в работе,
питающий в частной судьбе
безжалостность к общей свободе.

...За изгородь в поле, за дом,
за новую русскую ясность,

бредущую в поле пустом,
за долгую к ней непричастность.
Мы — памятник ей, имена
ее предыстории — значит:
за эру, в которой она
как памятник нам замаячит.

Так вот: хоть я все позабыл,
как водится: бедра и плечи,
хоть страсть (но не меньше, чем пыл)
длинней защитительной речи,
однако ж из памяти вон, —
хоть адреса здесь не поставлю,
но все же дойдет мой поклон,
куда я его ни направлю.

За русскую точность, по дну
пришедшую Леты, должно быть.
Вернее, за птицу одну,
что нынче вонзает в нас коготь.
За то что... остатки гнезда...
при всей ее ясности строгой...
горят для нее как звезда...
Да, да, как звезда над дорогой.

1969—1970